

И. А. Землянский

**ИЗ ИСТОРИИ ВОЛОНТЁРСКОГО ДВИЖЕНИЯ
В РУССКО-ЯПОНСКУЮ ВОЙНУ 1904–1905 ГОДОВ
(по материалам фонда редких изданий Научной библиотеки
Дальневосточного федерального университета)**

Указом Президента РФ В. В. Путина от 6 декабря 2017 года № 583 «О проведении в Российской Федерации Года добровольца (волонтёра)» 2018 год в России был объявлен Годом добровольца (волонтёра). Научная библиотека Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток) располагает внушительным фондом редких изданий, в котором содержатся уникальные источники: книги, брошюры, альбомы, газеты, журналы.

В настоящей статье используются лишь некоторые из них: периодические издания «Нива», «Летопись войны с Японией», «Дневник войны с Японией»; книги «История русско-японской войны», «Воспоминания о русско-японской войне 1904–1905 гг. участника-добровольца», «В осаждённом Порт-Артуре: дневник сестры милосердия» и «Записки сестры милосердия из поездки на Дальний Восток». В этих изданиях достоверно отражены примеры ежедневного героизма добровольцев и волонтёров в период Русско-японской войны.

В своих воспоминаниях участник войны, генерал-майор К. И. Дружинин описывал военные действия на полях Маньчжурии в 1904–1905 годах, состояние и ведение русских вооружённых сил до войны и ликвидации после войны действующей армии на Дальнем Востоке. Подробно исследовал деятельность Восточно-Китайской железной дороги во время войны, пример которой вряд ли повторится когда-нибудь, в смысле того огромного значения, какое она оказывала на военные действия в Маньчжурии. «Воспоминания о русско-японской войне 1904–1905 гг. участника-добровольца» Константина Ивановича Дружинина — издание, являющееся частью исторического труда автора по описанию военных действий русской армии на полях Маньчжурии в 1904–1905 годах.

Дружинин был кадровым военным, добровольно ушедшим на фронт, в отличие от известного художника В. В. Верещагина, участвовавшего и ранее в качестве добровольца в завоевании Средней Азии и в русско-турецкой войне 1877–1878 годов, события которых он изобразил в своих живописных картинах. Его гибель вместе с героем Русско-японской войны

С. О. Макаровым потрясла страну, о чём свидетельствуют многочисленные статьи на страницах периодической печати. Журнал «Нива» посвятил личности В. В. Верещагина статью на первых страницах номера: «Катастрофа, постигшая Петропавловск, унесла и драгоценную жизнь знаменитого нашего художника, Василия Васильевича Верещагина. Моряк по образованию и первоначальной своей деятельности, он впоследствии посвятил себя всецело искусству, но когда представлялся случай, возвращался к военной деятельности и всю свою жизнь оставался воинствующим художником и художником-воином. Состоя при туркестанском генерал-губернаторе Кауфмане, он в 1868 г. участвовал в защите Самарканда и удостоился получить орден св. Георгия. В 1877 г. он на миноноске назначенного теперь командующим флотом Тихого океана, тогдашнего лейтенанта Н. И. Скрыдлова получил серьёзную рану, а потом, выздоровев, во время кавалерийского набега на Адрианополь, исполнял даже должность начальника штаба при генерале Струкове. Когда вспыхнула русско-японская война, душа его рвалась на театр военных действий. Он, не вняв советам командующего маньчжурскою армиею А. Н. Куропаткина — остаться до мая в Петербурге, поспешил туда, где наши моряки выдерживали упорный бой с превосходными японскими силами, и вместе с бывшими своими товарищами-моряками погиб славною смертью, служа искусству на поле брани.

Здесь не место делать оценку художественным произведениям В. В. Верещагина. Они у всех в памяти, так ярка была его кисть, столько гражданского чувства и вместе с тем чувства гуманности вложил он в свои незабвенные полотна. Кто не находился под обаянием его туркестанских картин, его вдохновенных изображений событий войны 1877–1878 гг. или его наполеоновской эпопеи? Он был ещё в полной силе, когда уезжал на Дальний Восток, и, вероятно, одарил бы родину ценными изображениями тамошних подвигов наших храбрых войск, но... рок судил иначе. Какая тяжёлая утрата!» [8, № 15, с. 292].

В разных населённых пунктах, городах и деревнях формировались и росли вольные дружины, как, например, Владивостокская конная вольная дружина во главе с командиром её, капитаном Ельчаниновым [7, 1905, № 77, с. 1494.], для осуществления стремительных атак на противника, Харбинская вольная дружина на манёврах [8, № 25, с. 493], вольная дружина служащих станции Цзин-Чжоу [8, № 19, с. 374] для службы на Восточно-Китайской железной дороге. О них писалось следующее: «Даже по деревням, как и обыватели городские, воспряли духом все: отряды дружинников, конные и пешие, формируются и растут в числе. Не страшны японцы, когда и подростки в деревнях

идут в дружинники; на всём побережье по Сучану до Посьета и по Суйфуну, в сёлах Шкотове, Славянке Барабаше, Раздольной и многих других по побережью залива Петра Великого, образовались вольные дружины. К побережью пришли и идут ещё полки; конница, пехота и артиллеристы. Население “пристаёт” к полкам, и нет теперь деревни, нет ни одного стратегического места, где бы не были эти отряды наших разведчиков» [3, 1904, № 16, с. 127].

Отряды добровольцев, как известно, формировались с самого начала войны, их бойцы с нетерпением ждали отправки на фронт, о чём некоторые из них делились своими впечатлениями на страницах периодической печати. Один из добровольцев писал: «За всё время нашего двухмесячного путешествия и теперешнего пребывания в Никольск-Уссурийском я много видел, много слышал и многое переиспытал сам такого, о чём, как я помню, вовсе не говорилось в нашей печати. Впрочем, последнее обстоятельство объясняется, по всей вероятности, тем, что говорить об этом можно только тогда, когда сам переживаешь. По всей вероятности, наша петербургская публика, провожавшая нас 16 июля с такой торжественностью и вниманием, пожелает ознакомиться с нашей судьбою после отъезда. Вот несколько фактов, по которым она могла бы это сделать.

В Петербурге нас, добровольцев, было принято около трёхсот человек. Тут были представители почти всех слоёв общества, от простого рабочего до титулованного интеллигента включительно. Нашей единственной мыслью было как можно скорее стать в ряды действующей армии, и все мы, уже знакомые с военной подготовкой, были убеждены в том, что нас тотчас же отправят туда» [3, 1905, № 7, с. 54].

Другой доброволец сообщал с места сражения следующее: «Бой у нас с японцами под Ляояном был очень сильный. Мы дрались с неприятелем отчаянно и побили очень много японцев и, как снопы, уложили их на поле битвы. Пока у нас были патроны, мы стреляли из ружей и не подпускали неприятеля близко, а когда патроны все вышли, мы стали в японцев кидать камнями, но не отступали и поджидали себе подкрепление. А когда подкрепление подошло, мы стали ещё сильнее бить врага. Нас тоже побили много, а мы уложили японцев вчетверо более» [3, 1904, № 66, с. 521].

О деятельности отряда кавказцев-добровольцев печать писала таким образом: «Исполнив порученную ему мирно разведочную задачу, отряд харбинцев-грузин прибыл в главную квартиру армии и тут был расформирован в действующие отряды. Часть харбинцев-грузин попала в знаменитый мадритовский партизанский отряд, и потом не раз проявили храбрые кавказцы свою лихую удасть в разведках и в стычках с неприятелем» [3, 1904, № 75, с. 599].

Известно, что в сражениях Русско-японской войны принимали участие и подростки, о чём подробно сообщалось в печати: Миша Васильев, 14-летний волонтер, участвовал в боях под Тюренченом и Вафангоу. Под Мукденом был ранен тремя пулями. Излеченный в Московском госпитале имени А. Н. Куропаткина, снова уехал на Дальний Восток [6, с. 1197]; Павел Сергеев, 14-летний доброволец, ушедший на театр военных действий с 147 пехотным полком [7, 1904, № 22, с. 411]. Под фотографией одиннадцатилетнего мальчика Павла Качелина было написано: «Когда отец был призван из запаса на службу в мае прошлого года, он, крадучись, следовал за отцом и добрался в действующую армию. Был в бою при Янтайских копях и Бенсиху, помогал подвозке снарядов на позицию. У станции “Янтай-копи” с ним приключился солнечный удар, и в бессознательном состоянии он был захвачен хунхузами, но был отбит обратно казаками 2-го Аргунского полка, которые обучили его военному делу и обмундировали его в свою форму» [8, 1905, № 5, с. 91]. В «Дневнике войны» Павлу Качелину была посвящена написанная драматичная трогательная история: «Среди пассажиров санитарного поезда оказался мальчик лет 11–12, в форме забайкальских казаков, с повязкой Красного Креста на руке... Когда его отца забрали в солдаты, он не захотел от него отстать и сказал, что пойдёт за ним, куда бы он ни пошёл, и вернётся домой лишь вместе с отцом, или когда не дай Господи отец будет убит.

Никакие уговоры на него не действовали, и он пошёл за отцом. Сразу же начал Павел делить солдатскую долю. Ходил с отцом на ученье, во время стрельбы подавал ему патроны и вообще помогал, чем только мог. Наконец, они очутились в Манчжурии. Полк занял передовые позиции в непосредственной близости от неприятеля, на одной из сопок Янтайских гор у реки Тайцзыхэ. Скоро пришлось ему понюхать пороха, так как небольшие перестрелки происходили ежедневно. Наш юный воин, перейдя на полное солдатское довольствие и не отставая от своего отца, переносил вместе со всеми все тяготы военно-походной жизни: сидел на консервах и сухарях, а то выпадали дни, когда и совсем почти есть было нечего. Но всё это Павел переносил терпеливо и безропотно. Пришлось ему совершить утомительные переходы с полком во время страшной жары. Во время одного из таких переходов он упал, поражённый солнечным ударом. Его сочли мёртвым, и он остался позади своего полка.

Следовавший за полком казачий разъезд подобрал его и привёл в чувство. Напоили, накормили и в память того, что они спасли его от смерти, нарядили в свою казачью форму. Хотели оставить его у себя в полку, но ни

отец, ни сын на это не соглашались. Наконец, наступили дни жарких боёв под Ляояном. 11-й Псковский полк вместе с другими принимал в них горячее участие с 19-го до 21-го августа. Не желая подвергать сына явной опасности, Иван Качелин, идя в бой, оставил его среди резервных войск, где было не так опасно, как на передовых позициях. 21-го августа Иван Качелин был сильно контужен вблизи гранатой. Вместе с другими ранеными он был доставлен в Гунжулин в полевой запасный госпиталь № 1. Павел последовал за отцом. Здесь все приняли в нём самое живое участие» [3, 1904, № 71, с. 566].

В военных действиях принимали также участие добровольцы-иностранцы, проявившие себя и в предыдущих войнах. Так, например, волонтер Пламенац (Пламенец) Филипп Маркович, потомственный дворянин, черногорец, имеющий все четыре степени военного ордена за китайскую и японскую войны, находился на русской службе в 1-м Читинском казачьем полку [7, 1905, № 80, с. 1553]. Вот что о нём писалось в журнале «Летопись войны с Японией»: «Это человек высокой чести, олицетворение воинской доблести — “живое знамя” доблестного передового конного отряда генерала Мищенко.

— Давно вы, дедушка, начали сражаться?

— О, давно, давно, — ответил он мне тихим голосом, видимо, уходя мыслью в прошлое. — В первый раз пошёл я на войну с турками в 49-м году... Потом в 51-м... Потом в 53-м, 54-м, 55-м, 57-м, 59-м, 60-м, 62-м...

Впрочем, есть у деда одно огорчение: за 26 боёв минувшей войны он получил две награды — знак отличия Военного Ордена 1-й степени и чин прапорщика. А он, как истый старый воин, честолюбив и потому говорит:

— Мне стыдно — сёстры милосердия получили по три!

Что сёстры! Те работали. А сколько награждено офицерскими боевыми наградами беспечально прошедших войну в глубоком тылу штабных чиновников, духовных особ, которые слышали гром войны издалека... А ведь дед был в передовом конном отряде генерала Мищенко» [7, 1905, № 79, с. 1532–1535].

С началом войны население Российской империи проявило небывалый патриотизм, выражавшийся, в частности, в непрекращающихся добровольных пожертвованиях на нужды русской армии и флота. 6 февраля 1904 года был образован «Особый комитет по усилению флота на добровольные пожертвования». При выработке организации комитет положил в основание своей деятельности принцип гласности и строжайший контроль над поступлением пожертвований и их расходом. Отмечалось, что «пожертвования же стали поступать в громадном количестве. Жертвовал всякий, кто мог, что

мог и как мог; жертвовали сословные, общественные и правительственные учреждения, жертвовали города и крестьянские общества, жертвовали войска, духовенство, старообрядцы, учебные заведения, инородческое население, жертвовали торговые, промышленные, пароходные, железнодорожные предприятия и т. п.

Щедрые пожертвования, поступавшие со всех сторон России, ярко выразили патриотическое желание русских людей видеть наш военный флот, хоть отчасти усиленный после безвременной гибели судов тихоокеанской эскадры. В течение одного года, по 1 февраля 1905 года, поступило пожертвований на сумму 13 283 039 рублей 95 копеек» [7, 1905, № 59, с. 1173]. Благодаря пожертвованиям, как уведомлял исполнительную комиссию уполномоченный Красного Креста Михайлов, Красный Крест развернул свыше 5 000 кроватей в районе действующей маньчжурской армии, что позволило содержать к 1 июля 1904 года «в лазаретах Красного Креста 1 941 больного и раненого, в том числе 127 офицеров» [7, 1904, № 20, с. 372].

Денежную помощь оказывали иностранные общества и частные лица:

1. Славянское благотворительное общество в Софии передало 60 000 рублей Обществу Красного Креста для содержания госпиталя, посылаемого Болгарией на Дальний Восток в помощь русским раненым [7, 1904, № 20, с. 372].

2. Императрица Александра Фёдоровна благодарила великобританских подданных, устроивших в Лондоне музыкальный вечер в пользу русских раненых и представивших из вырученной от концерта суммы 2 086 рублей 90 копеек в распоряжение великой княгини Елисаветы Фёдоровны [7, 1904, № 20, с. 373].

Российское общество Красного Креста, как постоянно действующая общественная организация, созданная специально для правильной постановки общественной помощи в деле ухода за больными и ранеными, выступило в самом начале Русско-японской войны объединителем и руководителем всех общественных корпораций, кружков, отрядов и т. п. общественных организаций, создававшихся для оказания помощи больным и раненым в военную кампанию.

Исполнительная комиссия главного управления Красного Креста, как только началась война, обратилась к русскому обществу с призывом идти на святое дело помощи больным и раненым воинам. «Война, — говорилось в этом воззвании, — пробудила всенародное желание послужить Отечеству на поле брани. А кому не суждено стать в ряды войск, те спешат придти

личным трудом и жертвованиями на помощь больным и раненым войнам на Дальнем Востоке» [1, с. 1253].

О значении и роли Красного Креста, организовавшего помощь медицинской службе военного ведомства в ликвидации дефицита медицинского персонала, писалось следующее: «По тому, что сделано Красным Крестом, можно с полной уверенностью сказать, что ни одна копейка из пожертвований русского народа не пропала даром... говорить о самоотверженности врачей, сестёр милосердия, санитарок, работающих под огнём, убитых, раненных при исполнении святой задачи помощи солдатам, — не нужно... Слова бессильны передать то, что таится в прекрасных тайниках души этих лучших русских людей...» [3, 1904, № 66, с. 521]. То, что санитарные учреждения Красного Креста в годы войны создавались на добровольных началах и на добровольные жертвования, было известно из периодической печати. О неутомимой организаторской деятельности Красного Креста писалось чуть ли не в каждом номере журнала или газеты военного периода. Так, например, сообщали, что организации Красного Креста сформировали:

1) летучие отряды, которые следовали за войсками на поле сражения. Каждый летучий отряд состоял из двух отделений: первое — работало на передовой линии, наравне с носильщиками; второе — устраивало перевязочный пункт. О них писалось следующее: «Летучие отряды на театре военных действий следуют непосредственно за войсками, в их передовую линию. Каждый летучий отряд имеет два отделения. Одно, с вьюками, с необходимым перевязочным материалом и инструментами следует непосредственно за войсками в бой, другое остаётся в тылу, на биваке и устраивает перевязочный пункт. При конном отряде генерала Ренненкампа — летучий отряд Красного Креста открыл лазарет на 40 кроватей. В летучем отряде кровати заменяются носилками и резиновыми мешками. Всё имущество возится на вьюках. Личный состав имеет палатки, которые могут служить и для больных. Состав отряда — 2 врача, 4 фельдшера или студента, 15 санитаров и 55 лошадей или мулов. Летучие отряды за первые шесть месяцев войны зарекомендовали себя отличным мужеством и бесстрашием» [3, 1904, № 61, с. 487];

2) подвижные лазареты на 25 кроватей, назначение которых было принимать легко больных и раненых. Во время больших боёв эти лазареты открывали перевязочные пункты;

3) стационарные госпитали. Они соответствовали подвижным госпиталям военного ведомства; назначение их было лечить тех больных и раненых, которые могли бы со временем снова встать в строй, а также тех, которые

не могли бы перенести длинного путешествия по железной дороге. Эти госпитали, устроенные на средства разных средств и учреждений, были разнообразны по своей вместимости; самый большой госпиталь государыни императрицы Марии Фёдоровны имел свыше 600 кроватей, большинство около 200, но были и по 25 кроватей. К 1 августа 1904 года в стационарных госпиталях было открыто 6 380 кроватей [7, 1904, № 29, с. 536].

Для перевозки раненых и больных Красным Крестом при помощи различных добровольных обществ и частных лиц, в том числе и представительницами императорской фамилии, оборудовались военно-санитарные поезда и так называемые теплушечные поезда, составленные из отапливаемых товарных вагонов, снабжённых всем необходимым: койками, соломой, перевязочными материалами и т. п. Так, например, были сформированы санитарный поезд, организованный на пожертвования жителей Петербурга и вдовствующей императрицы Марии Фёдоровны [7, 1904, № 20, с. 365], санитарный отряд Красного Креста, отправленный в Никольск-Уссурийский в распоряжение главноуполномоченного князя Васильчикова, сопровождаемый уполномоченным Красного Креста, преподавателем Ревельской гимназии Н. О. Рабинович [7, 1905, № 46, с. 882]. 11 марта 1904 года отправился на фронт санитарный добровольный отряд, сформированный Петербургским дамским лазаретным комитетом Красного Креста [8, № 12, с. 239]. 5 ноября 1904 года по Николаевской железной дороге из Петербурга на Дальний Восток отбыли добровольные отряды общины св. Евгении (в составе 20 сестёр милосердия и 30 санитаров) и Общины сестёр милосердия имени генерал-адъютанта фон Кауфмана, состоящей из 16 сестёр [7, 1904, № 79, с. 632]. Создавались санитарные отряды и с иностранной помощью. Госпиталь русско-голландского санитарного отряда был первоначально рассчитан на 25 кроватей, но число больных и раненых доходило до 170 человек. Существенная помощь была оказана отряду Сибирским биржевым комитетом, пожертвовавшим в его пользу 30 000 рублей. На эти деньги, по словам доктора Ренненкампа, «были приобретены отдельные палатки для офицеров» [7, 1904, № 64, с. 507–508].

Красный Крест имел в своём распоряжении резерв личного состава и склады в Харбине, а до 1 августа 1904 года — в Ляояне, и конный двор на 1 500 лошадей и хлебопекарни. На складах Красного Креста находились не только предметы, необходимые для госпиталей, но и всё, что могло потребоваться войскам: запасы белья, сапог, тёплой одежды, продовольствия и т. п. Эти склады выделяли от себя небольшие магазины, которые и снабжали всем необходимым госпитали, летучие отряды и подвижные лазареты.

Как отмечалось, «деятельность Красного Креста поставлена широко и умело; объединённая руководством главноуполномоченного и действуя согласно указаниям заведующего санитарной частью в войсках, она способствует удовлетворению одной из самых насущных нужд армии» [7, 1904, № 29, с. 538].

Очень ценными для отображения полной картины Русско-японской войны и положения её участников являются воспоминания сестёр милосердия. В предисловии к своему дневнику «В осаждённом Порт-Артуре» сестра милосердия Красного Креста О. А. фон Баумгартен, работавшая в плавучем госпитале на пароходе «Монголия», писала: «Мой дневник не вмещает и со-той части того, что было пережито нами за всё время нашего пребывания в Порт-Артуре. Прошу читателя принять во внимание, что я не военный, не моряк и не корреспондент, а просто сестра милосердия и писала исключительно то, что видела, слышала и переживала. Задача этого дневника — представить читателю небывалые страдания порт-артурцев» [2, с. 3].

Также О. А. фон Баумгартен писала о причинах падения Порт-Артура, которое, как она считала, было вызвано ложными слухами, отсутствием достоверной информации о противнике, рассуждениями о намерениях главнокомандующего генерала Куропаткина, нерешительностью действий. По замечаниям сестры милосердия, люди в осаждённой крепости не знали истинного положения наших войск на суше и на море. О. А. фон Баумгартен отмечала манёвренные умелые действия японского флота, в то время как русские флотоводцы «путались, растеряли головы» [2, с. 126].

Записки сестры милосердия Смирновой, «рано оставившей этот мир», опубликовала её подруга Переселенцева, считавшая, «что эти “записки” могут иметь интерес для лиц, читающих их, что они наводят на мысли и чувства о пережитых тяжёлых годах для отечества и многих людей, тяжело пострадавших в это ужасное военное время» [5, с. 4]. Сестра милосердия Смирнова писала, что внимание изувеченных войной молодых солдат и офицеров, пусть даже на короткое время, они старались занимать чтением книг, газет, журналов, которые привозили в лазарет с приходящим из города поездом: «По окончании чтения всегда случалось так, что больные долго между собою спорили и рассуждали о полученных новых известиях» [5, с. 58].

В «Истории русско-японской войны», изданной в шести томах М. Е. Бархатовым и В. В. Функе, так оценивается самоотверженное служение сестёр милосердия: «Об этих чудных сёстрах, “полных любви бесконечной” к

своему ближнему больному, нельзя спокойно ни писать, ни говорить. Их работа, их замечательное спокойствие духа перед опасностью, их непоколебимое мужество не могли не вызвать удивления и благоговения у тех, кто их видел в деле под Вафангоу» [1, с. 1251].

Чудеса героизма совершали и сёстры милосердия, и другие добровольцы во всех сражениях Русско-японской войны, в массе своей бывшие прежде всего выходцами из простого народа.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Бархатов, М. Е. История русско-японской войны. Т. V / ред.-изд.: М. Е. Бархатов, В. В. Функе. — Санкт-Петербург : Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1909. — 1282 с.
2. Баумгартен, О. А. В осаждённом Порт-Артуре : Дневник сестры милосердия / О. А. фон-Баумгартен. — Санкт-Петербург : Тип. Суворина, 1906. — 310 с.
3. Дневник войны. — 2-е изд. — 1904. — №№ 16, 61, 66, 71, 75. — 1905. — № 7. — Бесплатное приложение к газете «Биржевые ведомости».
4. Дружинин, К. И. Воспоминания о русско-японской войне 1904–1905 гг. участника-добровольца / К. И. Дружинин. — Санкт-Петербург : Рус. старопечатня, 1909. — 505 с.
5. Записки сестры милосердия из поездки на Дальний Восток 1904–1905 гг. — Москва : Тип. «Обществ. польза», 1912. — 79 с.
6. Иллюстрированная хроника Русско-японской войны. — Репринт. воспр. изд. 1905 г. — Владивосток, 2002. — № 75.
7. Летопись войны с Японией : еженед. ил. журн. — 1904. — №№ 20, 22, 29, 46, 64, 79. — 1905. — №№ 59, 77, 79, 80.
8. Нива : ил. журн. лит. и обществ. жизни. — 1904. — №№ 12, 15, 19, 25. — 1905. — № 5.